

"Одна за восемь монет? Это значит, что мы берем на себя инициативу по обесцениванию?" Хань Мян спросил Линь Цинъюя, который сидел на стуле перед окном кабинета.

"Да, возьмите все десять долларов из серебра и десять долларов у Гуань Сяо, купите товары по цене один к восьми, а затем попросите все магазины в Цзяннани собрать их по цене один к восьми. Деньги, иначе вы не возьмете их. Аналогично, все сырье закупается по этому соотношению. Через четыре месяца оно будет снижено до один к шести, а еще через четыре месяца - до один к четырем". Линь Цинъюй взял пиалу с чаем. Он слегка отпил слюну, а затем сказал: "Здесь также есть серебряные билеты. Используйте сто таэлей серебряных билетов на девяносто таэлей наличными, чтобы обменять или купить товары в Инью". Через четыре месяца - восемь двенадцать таэлей, а через четыре месяца - шестьдесят таэлей. Аналогично, коэффициент кассы нашего серебряного здания также основан на этом."

"Можно обойтись и десятью долларами, но если будут использоваться банкноты, мы многое потеряем". напомнил Хань Янь. Когда все десять монет были сделаны самостоятельно, стоимость составляла всего три медные монеты, но на самом деле были собраны серебряные купюры.

"Насколько большим он может быть? Если вы замените его материалами, просто подержите его в руке в течение некоторого времени и подождите, пока банкноты продолжат обесцениваться. Ты сможешь вернуть все деньги, заменив их раньше времени". Линь Цинъюй опустил глаза и сказал: "Недвижимость, поля, еда, лекарственные материалы, шелк и руда, это все цены, мы должны поднять их все".

Большинство жертв медных монет - мирные жители, а серебряных купюр - богачи и дворяне. Таким образом, когда поднимется эффект паники, это будет похоже на снежный ком. Если у двора не будет достаточно наличных денег и медных монет для удовлетворения рыночного спроса, это легко вызовет экономический кризис. Если она рухнет, то первыми жертвами должны стать представители Шэндоу Сяомин.

Демократия!

Глаза Хань Мян были глубоко посажены. Все ее мысли были направлены на спасение людей.

Это хорошо, только доброжелательные люди не могут совершать великие дела.

"Я знаю. Ты хочешь, чтобы Чжэн Си и остальные пришли?"

"Нет, не надо их здесь использовать. Янь Ци уже вернулся. Завтра мы отправим Чжао в Зал Долголетия. Он выглядит вот так. Я выгляжу неловко". Линь Цинъюй сказал, набрав чашку чая: "Я поеду в Бяньцзин, Чжао умер. Да, император собак притворился, что дал ему посмертную печать. Я взял это, чтобы отправиться в Бяньцзин. Они все хотели получить трон. Военная мощь и деньги - вот что им нужно больше всего, особенно когда стоимость медных монет и банкнот обесценивается. Это может дать мне шанс найти время для обострения их конфликтов. Почему они всегда спорят в зале суда? Мужчины, должно же быть что-то реальное, например, натиск на дворец?"

"Это слишком опасно!" бессознательно воскликнул Хань Ниан, "Ты совсем не умеешь это делать. Что если они узнают, что они прямо напали на тебя?"

"Ты забыл? Я не только выживший Чжао, но у меня также есть куча друзей из Цинлю. На этот раз Чжао умер так ужасно. Разве эти Цинлю не должны сочувствовать мне? Есть вещи, которые я не могу сделать, но они знают, как это сделать. Мне просто нужно сначала

посмотреть и научиться". Глаза Линь Цинъюя были полны насмешки, а его лицо было полно ненависти. Он сказал что-то, что является чистым потоком для страны и народа, я!

Уездный магистрат Сучэн родился в Цзиньши, известен как фракция Цинлю, держал в руке секретное письмо от императора, думал, что страна - это народ, говорил, что Ян Чжао поддерживал солдат и имел дурные намерения, уговаривал Му Гуйюня держать дверь за спиной. Я вспомнил, что в Бяньцзине эти цинлюйцы не говорили о семье Чжао, а вместо этого схватили Ян Чжао, чтобы отправить в Сяньян, и подняли шум. На этот раз в Хэйшуйгуань было отправлено всего 30 000 солдат. Я слышал, что это тоже было на руку Цинлю.

Хань Янь вздохнул, ученые скучали по стране, знают ли эти люди, что они стали чужим оружием?

"Хорошо, разберись с делами здесь, я поеду в Бяньцзин, чтобы сопровождать тебя", - Хань Мяннь улыбнулся, когда Линь Цинъюй поднял глаза, - "У меня в любом случае есть имя талантливого человека".

"Я буду сопровождать тебя", - Алан вошел от двери с миской каши и сказал: "Я все равно не могу избавиться от тебя".

След тепла поднялся из глубины сердца, а в его сухих глазах появилась влага. Линь Цинъюй опустил глаза, чтобы скрыть слабость, и сказал: "Ладно, давай поиграем с этой Бяньцзин. Кстати говоря, мы купили его в прошлый раз. Его одежду еще не носили".

"Но если ты хочешь уйти, давай подождем два дня и дождемся, пока Инцзю поправится". Алан поставил кашу на стол и сказал: "Также подождите, пока я уберу лекарства, а потом научите их, что делать позже. "

"Хорошо."

Хань Мяннь и Алан ушли. Линь Цинъюй съел кашу и вернулся в главный дом. Он посмотрел на новую обстановку и мебель в доме. Когда он посмотрел на Ян Чжао, слезы снова потекли.

Когда он подошел к кровати и сел, глядя на лицо Ян Чжао, Линь Цинъюй коснулся пальцами его бровей. Здесь, боюсь, я больше не приду в будущем. Это место, для него самого, просто проходное место каждый год, но он Но они ждали здесь, только для короткого воссоединения в том году. Но в последний момент он захотел, чтобы она забыла его. Он сказал, что не будет влиять на нее в будущем, он позволит ей быть свободной, и не нужно будет возвращаться сюда из-за него, и возвращаться в это место, которое принесет ей опасность.

"Послушай, Чжао, то, что я делаю сейчас, гораздо опаснее. Хочешь знать, что ты скажешь?" Линь Цинъюй сказал низким голосом: "В будущем я буду делать еще более ужасные вещи. Неважно, какой метод я использую, но я обязательно заставлю этих людей заплатить свои долги, неважно какими средствами!"

Мэн Су стоял в дверях и молча смотрел на нее, бормоча про себя, затем подал кулак Ин Шисань, которая стояла рядом с ней.

Ин Шисань колебалась, но тихо отошла от Линь Циню и вышла за дверь со стороны Мэн Су.

Стоя под большим деревом перед дверью и наблюдая, как Мэн Су вошла и закрыла дверь, Ин

Шисань тихо вздохнул, прислонился к стволу дерева и слегка прикрыл глаза.

Услышав звук закрывающейся двери, Линь Цинъюй поднял голову, и в окно ворвались отблески заходящего солнца, покрыв человека, стоящего у двери, слоем золотистого света, отчего она на мгновение погрузилась в транс, как будто все было как прежде. Так же бывает, когда люди возвращаются из казармы.

Линь Цинъюй моргнул глазами, и фантом исчез, а перед ним появилось молодое и суровое лицо.

"Мэн Су?" прошептал Линь Цинъюй.

Мэн Су опустился перед ней на одно колено, посмотрел на Ян Чжао позади нее, стиснул зубы и сказал: "Клятва крови Красного Особняка, ты можешь позволить Янь Ци дать мне еще одну".

"А?" Линь Цинъюй была бессознательно ошеломлена.

"С этим ты больше не будешь сомневаться в сердце Су". Глаза Мэн Су все еще были ярко-красными, его взгляд был глубоко уязвлен, а голос был хриплым.

"Я не..." Линь Цинъюй была ошеломлена. Она не ожидала, что причинит им такую глубокую боль. Некоторое время она не могла найти слов и только качала головой: "Нет, Мэн Су, я тебе не верю".

"Генерал так добр ко мне, пока я могу отомстить ему, я могу сделать все, что угодно", - Мэн Су протянул руку и осторожно взял Линь Цинъюй за колени, и собрав все мужество сказал: "А ты, Мэн Су готов сделать для тебя всё, даже если это не месть за генерала, если ты хочешь бороться с этим миром, Мэн Су также готов стать первопроходцем и быть разбитым на куски!" "Я люблю тебя, хотя мне очень жаль генерала, но я люблю тебя, Мэн Су любит тебя!"

Поэтому, пожалуйста, поверь мне, Мэн Су никогда не предаст тебя, Мэн Су, он может умереть за тебя в любой момент!

С пламенем в глазах Мэн Су, Линь Цинъюй не могла лгать себе, даже если бы хотела притвориться глупой. Хэ Ли был прав. То, что она сделала, должно быть подкреплено мощной силой, но вот так просто он действительно может использовать свои чувства. Ну? Она больше не может дать никому такой же любви, как Янь Сань и Ян Чжао, неужели можно просто одухотворить его?

"Мэн Су..." После тысячи слов Линь Цинъюй смогла только вздохнуть.

Выпустив руку, Мэн Су хотела вытереть капли слез на своих щеках, но в итоге убрала руку, но немного отступила назад и сказала: "Я обсудила с Ду Мином, мы снова будем набирать войска, теперь уже в Ляо. Лошадей нам, конечно, не дадут. Летом мы обменяемся лошадьми с Тубо и постараемся за год подготовить еще 50 000 кавалерии."

"Неважно, куда направлен ваш меч, Мэн Су готов сражаться за вас!" Сказав это, палец Мэн Су нежно погладил каплю ее слезы, поднес ее ко рту, нежно коснулся ее и встал. Повернулся и вышел из комнаты.

Линь Цинъюй смотрел, как Мэн Су выходит, а затем медленно пришел в себя. Он вытер слезы на лице и оглянулся на вечную улыбку на лице Ян Чжао, со смешанными чувствами в сердце...

"Одна за восемь монет? Это значит, что мы берем на себя инициативу по обесцениванию?" спросил Хань Мянью у Лин Цинъюя, который сидел на стуле перед окном кабинета.

"Да, возьмите все десять долларов из серебра и десять долларов у Гуань Сяо, купите товары по цене один к восьми, а затем попросите все магазины в Цзяннани собрать их по цене один к восьми. Деньги, иначе вы не возьмете их. Аналогично, все сырье закупается по этому соотношению. Через четыре месяца оно будет снижено до один к шести, а еще через четыре месяца - до один к четырем". Линь Цинъюй взял пиалу с чаем. Он слегка отпил слюну, а затем сказал: "Есть также серебряные билеты.

Используйте сто таэлей серебряных билетов на девятьдесят таэлей наличными для обмена или покупки припасов в Иньюлу. Через четыре месяца - восемь двенадцать таэлей, а через четыре месяца - шестьдесят таэлей. Аналогично, коэффициент кассы нашего серебряного здания также основан на этом."

"Можно обойтись и десятию долларами, но если будут использоваться банкноты, мы многое потеряем". напомнил Хань Янь. Когда все десять монет были сделаны самостоятельно, стоимость составляла всего три медные монеты, но на самом деле были собраны серебряные купюры.

"Насколько большим он может быть? Если вы замените его материалами, просто подержите его в руке в течение некоторого времени и подождите, пока банкноты продолжат обесцениваться. Ты сможешь вернуть все деньги, заменив их раньше времени". Линь Цинъюй опустил глаза и сказал: "Недвижимость, поля, еда, лекарственные материалы, шелк и руда, это все цены, мы должны поднять их все".

Большинство жертв медных монет - мирные жители, а серебряных купюр - богачи и дворяне. Таким образом, когда поднимется эффект паники, это будет похоже на снежный ком. Если у двора не будет достаточно наличных денег и медных монет для удовлетворения рыночного спроса, это легко вызовет экономический кризис. Если она рухнет, то первыми жертвами должны стать представители Шэндоу Сяомин.

Демократия!

Глаза Хань Мянью были глубоко посажены. Все ее мысли были направлены на спасение людей. Это хорошо, только доброжелательные люди не могут совершить великих дел.

"Я знаю. Ты хочешь, чтобы Чжэн Си и остальные пришли?"

"Нет, не надо их здесь использовать. Янь Ци уже вернулся. Завтра мы отправим Чжао в Зал Долголетия. Он выглядит вот так. Я выгляжу неловко". Линь Цинъюй сказал, набрав чашку чая: "Я поеду в Бяньцзин, Чжао умер. Да, император собак притворился, что дал ему посмертную печать. Я взял это, чтобы отправиться в Бяньцзин. Они все хотели получить трон. Военная мощь и деньги - вот что им нужно больше всего, особенно когда стоимость медных монет и банкнот обесценивается. Это может дать мне шанс найти время для обострения их конфликтов.

Почему они всегда спорят в зале суда? Мужчины, должно быть что-то реальное, например, толкнуть дворец?"

"Это слишком опасно!" бессознательно воскликнул Хань Ниан, "Ты совсем не умеешь это делать. Что если они узнают, что они прямо напали на тебя?"

"Ты забыл? Я не только выживший Чжао, но у меня также есть куча друзей из Цинлю. На этот раз Чжао умер так ужасно. Разве эти Цинлю не должны сочувствовать мне? Есть вещи, которые я не могу сделать, но они знают, как это сделать. Мне просто нужно сначала посмотреть и научиться". Глаза Линь Цинъюя были полны насмешки, а его лицо было полно ненависти. Он сказал что-то, что является чистым потоком для страны и народа, я!

Уездный магистрат Сучэн родился в Цзиньши, известен как фракция Цинлю, держал в руке секретное письмо от императора, думал, что страна - это народ, говорил, что Ян Чжао поддерживал солдат и имел дурные намерения, уговаривал Му Гуйюня держать дверь за спиной. Я вспомнил, что в Бяньцзине эти цинлюйцы не говорили о семье Чжао, а вместо этого схватили Ян Чжао, чтобы отправить в Сяньян, и подняли шум. На этот раз в Хэйшуйгуань было отправлено всего 30 000 солдат. Я слышал, что это тоже было на руку Цинлю.

Хань Янь вздохнул, ученые соскучились по стране, знают ли эти люди, что стали чужим оружием?

"Хорошо, разберись с делами здесь, я поеду в Бяньцзин, чтобы сопровождать тебя", - Хань Мянью улыбнулся, когда Линь Цинъюй поднял глаза, - "В любом случае, у меня есть имя талантливого человека".

"Я буду сопровождать тебя", - Алан вошел от двери с миской каши и сказал: "Я все равно не могу избавиться от тебя".

Из глубины сердца поднялся след тепла, а в его сухих глазах появилась влага. Линь Цинъюй опустил глаза, чтобы скрыть слабость, и сказал: "Ладно, давай поиграем с этой Бяньцзин. Кстати говоря, мы купили его в прошлый раз. Его одежду еще не носили".

"Но если ты хочешь уйти, давай подождем два дня и дождемся, пока Инцзю поправится.

"Алан поставил кашу на стол и сказал: "И еще, подождите, пока я уберу лекарство, а потом научите их, что делать потом. "

"Хорошо."

Хань Мянью и Алан ушли. Линь Цинъюй съел кашу и вернулся в главный дом. Он посмотрел на новую обстановку и мебель в доме. Когда он посмотрел на Ян Чжао, слезы снова потекли.

Когда он подошел к кровати и сел, глядя на лицо Ян Чжао, Линь Цинъюй коснулся пальцами его бровей. Здесь, боюсь, я больше не приду в будущем. Это место, для него самого, просто проходное место каждый год, но он Но они ждали здесь, только для короткого воссоединения в том году. Но в последний момент он захотел, чтобы она забыла его. Он сказал, что не будет влиять на нее в будущем, он позволит ей быть свободной, и не нужно будет возвращаться сюда из-за него, и возвращаться в это место, которое принесет ей опасность.

"Послушай, Чжао, то, что я делаю сейчас, гораздо опаснее. Хочешь знать, что ты скажешь?" Линь Цинъюй сказал низким голосом: "В будущем я буду делать еще более ужасные вещи. Независимо от того, какой метод я использую, я обязательно заставлю этих людей заплатить свои долги, неважно какими средствами!"

Мэн Су стояла у двери и молча смотрела на нее, бормоча себе под нос, а затем протянула кулак Ин Шисань, которая стояла рядом с ней.

Ин Шисань колебалась, но тихо отошла от Линь Циню и вышла за дверь со стороны Мэн Су.

Стоя под большим деревом перед дверью и наблюдая, как Мэн Су вошла и закрыла дверь, Ин Шисань тихо вздохнул, прислонился к стволу дерева и слегка прикрыл глаза.

Услышав звук закрывающейся двери, Линь Цинъюй поднял голову, и в окно ворвались отблески заходящего солнца, покрыв человека, стоящего у двери, слоем золотистого света, заставив ее на мгновение погрузиться в транс, как будто все было как прежде. То же самое происходит, когда люди возвращаются из казарм.

Линь Цинъюй моргнул глазами, и фантом исчез, а перед ним появилось молодое и строгое лицо.

"Мэн Су?" прошептал Линь Цинъюй.

Мэн Су опустился перед ней на одно колено, посмотрел на Ян Чжао позади нее, стиснул зубы и сказал: "Клятва крови Красного Особняка, ты можешь позволить Янь Ци дать мне еще одну".

"А?" Линь Цинъюй была бессознательно ошеломлена.

"С этим ты больше не будешь сомневаться в сердце Су". Глаза Мэн Су все еще были ярко-красными, его взгляд был глубоко уязвлен, а голос был хриплым.

"Я не..." Линь Цинъюй была ошеломлена. Она не ожидала, что причинит им такую глубокую боль. Некоторое время она не могла найти слов и только качала головой: "Нет, Мэн Су, я тебе не верю".

"Генерал так добр ко мне, пока я могу отомстить ему, я могу сделать все, что угодно", - Мэн Су протянул руку и осторожно взял Линь Цинъюй за колени, и собрав все мужество, сказал: "А ты, Мэн Су готов сделать для тебя всё, даже если это не месть за генерала, если ты хочешь бороться с этим миром, Мэн Су также готов стать первопроходцем и быть разбитым на куски! "Я люблю тебя, хотя мне очень жаль генерала, но я люблю тебя, Мэн Су любит тебя! Поэтому, пожалуйста, поверь мне, Мэн Су никогда не предаст тебя, Мэн Су, он может умереть за тебя в любой момент!

С пламенем в глазах Мэн Су, Линь Цинъюй не могла лгать себе, даже если бы хотела притвориться глупой. Хэ Ли был прав. То, что она сделала, должно быть подкреплено мощной силой, но вот так просто он действительно может использовать свои чувства. Ну? Она больше не может дать никому такой же любви, как Янь Сань и Ян Чжао, неужели можно просто одухотворить его?

"Мэн Су..." После тысячи слов Линь Цинъюй смогла только вздохнуть.

Выпустив руку, Мэн Су хотела вытереть капли слез на своих щеках, но в итоге убрала руку, но немного отступила назад и сказала: "Я обсудила с Ду Мином, мы снова будем набирать войска, теперь уже в Ляо. Лошадей нам, конечно, не дадут.

Летом мы обменяемся лошадьми с Тубо и постараемся подготовить еще 50 000 кавалерии в течение года."

"Неважно, куда направлен твой меч, Мэн Су готов сражаться за тебя!" Сказав это, палец Мэн Су нежно погладил каплю ее слезы, поднес ее ко рту, нежно коснулся ее и встал. Повернулся и вышел из комнаты.

Линь Цинъюй смотрел, как Мэн Су выходит, а затем медленно пришел в себя. Он вытер слезы на лице и оглянулся на вечную улыбку на лице Ян Чжао, со смешанными чувствами в сердце...

<http://tl.rulate.ru/book/15727/2533899>